

Рудольф Штайнер

История человечества и мировоззрения культурных народов

ПСС 353 15 Лекция. Дорнах, 20 мая 1924 г.

Доброе утро, господа! Может быть, кто-то придумал что-нибудь на сегодняшнее занятие?

Вопрос: Как надо понимать чудеса, о которых в Библии рассказывается в связи с Моисеем(58) об умиротворении моря? (См. Исх. 14: 21- 27: "И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды и т. д. прим. перев).

Доктор Штайнер: Видите ли, это в меньшей степени относится к совершению внезапного чуда; тут дело в том, что Моисей был очень сведущим. Он ведь был не только тем, кем его изображала Библия, он, фактически, был учеником египетской школы, учеником мистерий. В этой школе человека учили, сообщая не только о духовном мире, но, с известной точки зрения, и о мире природы. На море есть время прилива и время отлива, время его подъема и отступления назад, и дело было в том, что Моисей знал, как организовать переход через Красное море, чтобы он со своими людьми перешел в то время, когда море отступило, и можно было использовать песчаную косу, которая вследствие отлива стала видимой, так сказать, обнажилась. Следовательно, чудо состояло не в том, что Моисей запрудил и одолел Красное море, а в том, что он фактически знал больше, чем другие, в том, что он сумел правильным образом выбрать время. Моисей вычислил эти вещи, так что он пошел в подходящее время он знал, как долго это продлится, -- соответственно, и идти надо было быстро, чтобы море не застало врасплох. Все это, конечно, было иным, нежели чудом.

В таких делах следует видеть то, что в основе их лежит знание о вещах, именно знание, а не что-то иное.

Так обстоит дело с большинством вещей, сообщения о которых дошли из древности. Народ удивляется этому, поскольку он не понимает таких вещей, не знает. Но если известно, что в древности были также и очень умные люди, то можно объяснить происходившее. В ином случае не многое из этих вещей можно было бы объяснить.

Может быть, у кого-то есть вопрос?

Вопрос: Является ли духовная культура, распространяемая из Тибета по остальной Азии, еще удовлетворительной, подходящей для этих людей, или она уже полностью пришла в упадок, стала декадентской?

Доктор Штайнер: Видите ли, культура Тибета является очень древней культурой, даже культурой, восходящей к древней атлантической эпохе. Вы только должны представить себе, что когда-то было такое время, когда большая часть Европы была покрыта водой и вода убывала только в Азии. И напротив, на том месте, где сегодня находится Атлантический океан, была суша. Там, где мы сегодня переезжаем в Америку, между Америкой и Европой, была суша. Итак, в древности было такое

время, когда поверхность суши и поверхность воды имели совершенно иные соотношения, нежели сегодня.

Однако во время, отстоящее от нашего на пять, шесть, семь тысячелетий, тут в Азии, была та же самая культура, что и на этом атлантическом континенте, находившемся тогда на том месте, которое сегодня между Европой и Америкой покрыто морем. Здесь, по эту сторону, в Азии была тогда культура, которая сохраняется в ущельях, расщелинах и подземных пустотах в Тибете. В то время, когда между Европой и Америкой возникло море, а Европа поднялась, эта атлантическая культура, естественно, была полностью потоплена; но по эту сторону, в Тибете, она сохранилась. Однако эта культура подходила лишь для того древнего времени, когда люди жили в совершенно иных условиях, нежели сегодня. Вы должны себе представить хотя бы то, что тогда воздух не был таким, как сегодня, что человек не был таким тяжелым, как сегодня, что вес человека был много меньше, а воздух был гораздо плотнее. Весь воздух тогда был пронизан густым туманом, что делало возможным жить совсем иным образом, нежели сейчас.

Письма и чтения или чего-то подобного тогда еще не было, но были знаки. Эти знаки не наносили на бумагу. Ведь и бумаги не было. Их не наносили на пергамент, но выцарапывали на скалах. В этих скалах люди делали пещеры, пустоты и внутри этих пещер они выцарапывали тогда как это называют свои тайны; так что необходимо понимать те знаки, которые они делали, если хотят узнать, какие представления имели те люди.

Вы могли бы спросить: как случилось, что этим людям удавалось скрытно сохранить это? Вы знаете, древнее строительное искусство вообще состояло не в том, чтобы строить снаружи; сначала врубались в скалы и в скалах делали жилища. Это древнейшая форма строительного искусства. Не следует слишком удивляться тому, что эти древнейшие формы строительного искусства находятся также и здесь, в Тибете. Однако такая культура постепенно пришла в полный упадок, стала декадентской, вырождающейся. И то, что возникло в Тибете позднее, таково, что уже не может быть использовано в современности, ибо эта тибетская культура древнее, чем индийская культура. Индийская культура возникла только после того, как Земля приняла тот облик, который она имеет и сегодня. Итак, тибетская культура, сохранившаяся в плохой форме, существовала до этого в относительно хорошей форме. Принцип власти в Тибете сформировался в поистине безрадостной форме. В Тибете тому, кто должен стать правителем, воздаются божественные почести; это божественное поклонение, в сущности, подготавливается заранее. Выборы там происходят, я мог бы сказать, на сверхчувственном уровне. Далай-лама, то есть тот, кто предназначен стать правителем, получает достоинство таким образом, что еще задолго перед этим, когда еще здесь находится старый Далай-лама, замечают: этот старый Далай-лама скоро может умереть, и где-нибудь определяется одна семья, о которой говорят: из этой семьи должен произойти новый Далай-лама. Так было в Тибете в прежнее, более раннее время. Наследственного правления не было. Его не было, однако священство, которое на самом деле и правило, определяло новую семью, из которой должен был произойти новый Далай-лама.

Так вот, если в этой семье рождался ребенок, его охраняли до тех пор, пока не умирал старый Далай-лама. Вы можете представить себе, что тем самым

практиковалось величайшее безобразие. Иногда просто, если старый Далай-лама не устраивал, искали ребенка и говорили: в этого ребенка должна вселиться душа старого Далай-ламы. Но ведь тот должен был сначала умереть. Об этом заботилось в подходящее время само священство, и вот народ уверяли, что душа старого Далай-ламы вошла в ребенка. Таким образом, эти люди приводили дело к тому, что, фактически, весь народ верил: душа, находящаяся в каком-либо Далай-ламе, уже была в Далай-ламе тысячи лет назад. Они думали, что это все та же самая душа. Для людей существовал один и тот же Далай-лама; он только переменил внешнее тело.

В древней культуре, той, что была раньше, было не так; то, что возникло позже, было самым настоящим бесчинством, безобразием. Но отсюда вы можете видеть, что священство мало-помалу пришло к тому, чтобы ради сохранения своей власти устраивать дело таким образом.

Сказанное не противоречит тому, что если бы, несмотря на такую ситуацию, удалось расшифровать знаки, погребенные в скалах к ним, впрочем, европейцы получают доступ в редчайших случаях, мы бы пришли к большим естественнонаучным тайнам, которыми обладали люди в древности. Итак, правильно то, что приходят к великим естественнонаучным тайнам, которыми обладали люди древности: дело только в том, чтобы эти сведения были открыты в новой форме.

Дело обстоит так: те самые сведения, которые были когда-то, которые приходили к людям как во сне, в сновидческом тумане, те же самые сведения должны снова появиться среди людей благодаря антропософии. Но на Востоке это произойти не может. Видите ли, новое знание, новое познание никогда не сможет реализоваться на Востоке таким же образом, как в Европе, поскольку восточное тело для этого непригодно. Попытки, которые надо предпринимать, чтобы прийти к тем вещам, о которых я говорю вам в настоящий момент, осуществимы лишь на Западном, но не на Восточном пути. Человек Востока консервативен в гораздо большем масштабе, нежели может быть консервативен европеец: человек Востока не хочет иметь нового, и поэтому на него не производит особенно сильного впечатления то, что мы делаем тут, в Европе. И напротив, если ему скажут: из этих древних крипт так называют эти пещеры в скалах, приходит особая мудрость, она древняя, вот тогда это производит на него исключительно сильное впечатление. Но и европейцы тоже, хотя и в незначительной степени, страдают этим: вам надо было бы только заглянуть в масонские ложи высших градусов, если вы туда имеете доступ! Антропософией здесь интересуются слегка, лишь постольку, поскольку тут тоже озабочены проблемами сверхчувственного; однако сильно в эти вещи они не вникают. Но с другой стороны, если кто-нибудь скажет им: найдено что-то, относящееся к древнеегипетской мудрости, или к древнееврейской мудрости, -- вот тут-то они возрадуются! Они сейчас же займутся этим, ибо люди эти таковы, что вновь открытое не производит на них никакого впечатления; и напротив, то, что исходит из глубочайшей древности, даже если оно непонятно, производит на этих людей неизгладимое впечатление. Вот почему можно представить, какой подъем возникнет в этом случае, ведь речь идет о древнейшей мудрости, которую можно отыскать в Тибете. Ведь и жители Азии тоже утратили многие вещи, так как наиболее значительная азиатская культура, индийская культура, была основа лишь

впоследствии. Следовательно, многое из того, что неизвестно жителям Азии, можно еще обнаружить в Тибете.

Люди, живущие там, не имеют достаточных возможностей регулярно распространять эти знания, так как древняя тибетская теократия ничего не делает для такого обнародования: она хочет сохранять эту древнюю власть лишь для себя самой. Знание, это власть, если только оно сохраняется в тайне. Когда европейцы приезжают в Тибет, они этих вещей не понимают. Итак, существует немного шансов на то, что настоящие тибетские истины будут обнародованы; они продолжают жить лишь в древних традициях. Дело еще и в следующем: из перешедшего к потомкам уже можно получить представление о том, что же там, в сущности, скрывается. Но обнародование как таковое представить себе трудно. Как вы сказали, задавая вопрос, эти вещи приобрели декадентский, упадочный характер; однако если вернуться к тому, что находится в крипах, а не ориентироваться на то, о чем говорит священство, можно было бы достичь необычайных результатов. Однако было бы чрезвычайно трудно расшифровать все это. Без антропософии открыть это трудно. Антропософия могла бы произвести такую дешифровку, но ей это не нужно, ведь она обнаруживает эти вещи сами по себе.

Вопрос: Что могла бы сделать Европа для того, чтобы эти регрессивные тенденции в Азии снова обратить в прогрессивные?

Доктор Штайнер: Это прямо-таки прекрасный вопрос! Видите ли, ведь если Европа ничего не сделает в этом отношении, то тогда и миру придется пойти регрессивным путем! Ведь в Азии дело обстоит так это следует из слов, только что сказанных мною, что люди там придерживаются древности, а никакого прогресса даже знать не хотят. Вы видите это на примере Китая. Китай находится на той же самой ступени, на которой он стоял тысячи лет назад. Уже тысячи лет тому назад китайцы обладали многим из того, что в Европе было открыто значительно позднее; бумагу, книгопечатание, и тому подобное они там еще тогда имели. Однако прогресса они не принимают, они сохраняют все в древней форме.

С другой стороны, европейцы: что они делают, приезжая в Азию? Ведь не правда ли, англичане ввозили в Китай опиум и подобные вещи в первой половине XIX столетия! (Торговлю опиумом англичане вели открыто и широко, а после того, как китайский император ввел закон о смертной казни для наркоторговцев, в 1841--1842 гг. Англия объявила Китаю войну за "право свободного ввоза" опиума, -- прим. перев.) Но европейцы до сих пор ничего стоящего не сделали для того, чтобы хоть как-нибудь распространить в Азии истинную духовную жизнь. Это тоже трудно, поскольку люди этого просто не принимают.

Видите ли, интересно вот что: вы знаете, что там есть европейские миссионеры; они приходят туда с европейской религией, европейской теологией и хотят распространить в Азии европейскую культуру. Но на жителей Азии это не производит совсем никакого впечатления! Ведь миссионеры описывают им Иисуса Христа так, как они Его себе представляют. И тут азиаты говорят: если я взгляну на моего Будду, то обнаружу более превосходные качества! Итак, это им совсем не импонирует. Им это нравится только в том случае, если Иисуса Христа изображают так, как Он был представлен здесь, в лекциях, прочитанных недавно в качестве ответа на ваши вопросы. Тогда, конечно, это производит на них впечатление. Однако

при этом помехой становится консервативность жителей Азии, их реакционность и то, что они, в первую очередь, недоверчивы.

Примечательно также и следующее, господа; видите ли, есть отдельные ученики древней мудрости. В Азии эти ученики научились кое-чему у тибетских учителей, мудрецов, тибетских посвященных. Сами эти посвященные не имеют дела с европейцами; но ученики иногда общаются с последними. Тут иногда человек оказывается в крайней степени удивленным. Я уже говорил вам такие вещи, которые удивляли вас, например, о влиянии Космоса на человека. Если это хотят исследовать по-настоящему, потребуется очень много времени. Я действительно могу сказать: кое-что из того, о чем я могу сказать вам сегодня, длилось сорок лет, прежде чем я смог заговорить об этом.

Ведь это невозможно открыть в два счета, за один день, тут для открытия требуются годы. Так открывают подобные вещи. Например, открывают то, что я рассказывал вам о Луне, о том, что и там есть некое население, которое имеет дело с населением Земли, чтобы тем самым регулировать размножение. Действительно, господа, этого не удастся обнаружить на путях, которыми идет современная наука; этого нельзя обнаружить в два счета, за один день, к такому открытию можно прийти лишь в течение многих лет. Это именно так! Тогда достигают этого. Но если это уже достигнуто, то неожиданно проливается свет и на то, что говорят ученики восточных посвященных. Прежде это было непонятно. Эти люди говорят, скажем, о духах Луны и их влиянии на Землю. Европейские ученые скажут: все, что они говорят здор! Но если человек сам приходит к этому, он уже не говорит больше, что это вздор, нет, он только удивляется тому, что эти "древние головы" много тысяч лет назад уже знали об этом, а человечество утеряло эти знания. Это может произвести большое впечатление на человека: как! Он сам открыл эти вещи с такими усилиями, а затем ему стало известно, что об этом уже знали когда-то, все это, хотя и в непонятной сегодня форме ведь иногда те, кто говорит об этом, сами ничего не понимают -- сохранилось с древнейших времен. Можно почувствовать известное уважение, большой респект, большое уважение к тому, что здесь когда-то было.

Если европейцы хотели что-нибудь сделать в Азии, им следовало бы сначала позаниматься антропософией! Потому что иным образом у них дело не пойдет. Современная европейская наука и техника не импонирует жителям Азии, так как они рассматривают современную европейскую науку как детскую забаву, как нечто, имеющее отношение только к внешнему; а во внешней европейской технике они не нуждаются. Они говорят: почему мы должны иметь дело с машинами? Это бесчеловечно! Это им вовсе не импонирует, и они рассматривают как посягательство на свои права, если там строят железные дороги и фабрики; это делают европейцы. Но там это вызывает ненависть. Так вести дело нельзя. Надо было бы немного поучиться у древности. В древности фактически обладали известным духом для того, чтобы вести дела как следует.

Видите ли, почему современной европейской культуре не удастся ничего сделать в Азии? Но вот одному человеку удалось кое-что сделать в Азии на основе греческой культуры. Это было в VI столетии до основания христианства; это удалось Александру Великому. Александр Македонский перенес в Азию многое из греческой

культуры. Теперь это присутствует в Азии. При этом то, что перенес Александр в Азию, по окольному пути -- через Испанию, через арабов и евреев -- снова пришло в Европу! Но благодаря чему Александру Великому вообще удавалось переносить эти вещи в Азию? Только благодаря тому, что он никогда не поступал, как современные европейцы. Европейцы считают себя разумными людьми, абсолютно разумными людьми. Сталкиваясь с иными людьми, они говорят: "Все они глупы, мы должны преподать им нашу мудрость". Но при таком подходе к этим "иным людям" ничего не получится. Александр так не делал; он прежде всего усваивал то, чем обладали эти люди. И в то, что уже имели эти люди, он давал возможность причем очень постепенно, в малом масштабе он давал возможность влиться чему-то иному; он ценил и уважал то, чем обладали другие.

Вообще-то это тайна умение нечто привнести! Несмотря на то, что против англичан следовало бы сказать многое, несмотря на, достойную сожаления главу английской истории, когда англичане эгоистически доставляли опиум в Китай ради наживы, несмотря на то, что многое другое тоже говорит против англичан, следует все же сказать: не только в духовной области, но даже, скорее по преимуществу, в хозяйственной жизни англичане всегда внимательно относились к тому, что было обычаем у народов, к которым они приходили. Они умели относиться к этому с уважением! Немцы же в таких случаях меньше всего умеют проявлять уважение. Потому-то немцы всегда несчастливы в делах колонизации, у них и мыслей нет о том, как выглядит то или иное в глазах людей, у которых они хотят иметь свою колонию. Сломая голову этим последним приходится перенимать порядки, которые сами немцы имеют в центре Европы! Конечно, ничего из этого не получается. Поэтому развитие осуществляется таким путем: англичанам везет в деле основания своих колоний; несмотря на то, что колонисты бунтуют и прочее, в хозяйственном отношении Англия, тем не менее всегда удерживает перевес. Итак, англичане понимают, что необходимо постоянно вникать в природу и сущность чужого народа. Англичане и войну тоже ведут совершенно иначе, нежели ведут ее, например, немцы. Как представляет себе немец необходимость войны с каким-либо народом? Я сейчас совсем не хочу говорить против войны, я хочу лишь рассказать, как это себе представляют немцы: надо просто выступить и завоевать этот народ. Этого англичане не делают; они сначала приглядываются, провоцируют к выступлению народ, дают возможность (этим народам) измотать, разгромить друг друга, и наблюдают лишь за тем, как долго это длится; иными словами, они дают возможность людям доконать друг друга. Это подтверждает история. Именно благодаря этому и была основана эта английская мировая империя (Британская империя, занимавшая к 1914 г. четверть земной суши -- прим. перев). Другие никогда, в сущности, не знают, "куда побежит заяц", как пойдут дела. Англичане же в известном смысле инстинктивно с уважением относятся к отличительным качествам, свойствам чуждого им народа. Благодаря этому англичанам удалось достичь колоссального экономического превосходства. В Англии наверняка никому не пришло бы в голову сделать то, что делают теперь в Германии, а именно ввести рентную марку (денежная единица Германии 1923 - 1924 гг. прим. перев). Само собой разумеется, сейчас в Германии большая нехватка денег. Денег нет ни у кого. Но когда была введена рентная марка, так называемая денежная единица со стабильной стоимостью, люди восприняли это как что-то страшно умное. На самом деле это была величайшая глупость из всего, что можно было сделать. Ибо пока в

Англии любые бумажные деньги обеспечивались золотом, все происходило так же, как это обычно происходит в экономике всего остального мира; для любых бумажных денег имеются в наличии обеспечения золотом. Если же печатают деньги, не обеспеченные золотом, то эти деньги или же немедленно падают в цене, то есть валютный курс опускается, или, если курс поддерживается искусственно, как это делают сейчас с деньгами со стабильной стоимостью, товары становятся все дороже. Не правда ли, теперь в Германии мы имеем рентную марку; ее стоимость всегда составляет одну марку. Но, господа, приобрести на нее можно лишь столько, сколько раньше можно было приобрести за пятнадцать пфеннигов, следовательно, в действительности стоимость ее составляет не более пятнадцати пфеннигов. То, что она не опускается, то, что она является "денежной единицей со стабильной стоимостью", всего лишь иллюзия. Дело обстоит так: в Германии думают, но не имеют понятия о том, что надо с уважением относиться к реальности.

Видите ли, на эту тему есть один довольно милый анекдот о том, как представители различных народов изучают естественную историю, изучают, например, кенгуру, или какое-нибудь другое животное, живущее в Африке. Англичанин путешествует в Африку, как Дарвин(59) в целях естественной науки предпринял свое кругосветное путешествие -- и наблюдает животное там, где оно действительно живет. Там он может увидеть, как оно живет, в каких природных условиях. Француз переносит это животное из пустыни в зоопарк. Он изучает его в зоопарке; он не наблюдает за животным в его естественной обстановке, а делает это в зоопарке. Однако, что же делает немец? Он вообще не беспокоится по поводу этого животного, как оно выглядит; он сидит у себя в кабинете и начинает размышлять. Вещь сама по себе его не интересует, я ведь недавно рассказывал вам о философии Канта, его интересует только то, что у него в голове. Он довольно долго что-то выдумывает. И после того, как он долго выдумывал, он говорит. Но с действительностью это не согласуется.

Но даже у англичан все это обстоит очень относительно. Принятый в древности образ действий по отношению к людям в Европе в настоящее время уже никто не понимает, тогда как Александр Великий внешне оставлял все как было и лишь едва-едва медленно осуществлял то, что ему надлежало перенести из Греции в Азию. В Европе ни один человек этого больше не понимает. Однако европейцем следовало бы снова усвоить это. Вот почему первое из того, чему следовало бы научиться европейцам, это не переносить в Азию то, что европейцы имеют; нет, европейцы должны сначала внимательно изучать все то, что известно жителям Азии; затем узнать и то, например, что является мудростью Тибета. Только в этом случае, отнесясь со всем уважением к культуре других людей, можно чего-то достичь. Вот то, чему должна научиться Европа.

Европа представляет собой, в сущности, величайшее теоретическое построение, систему теории. Европа теоретизирует, а к практике не имеет отношения. Это все же именно так! Европа даже гешефты, бизнес ведет на основе теории, даже эти вещи носят исключительно надуманный характер. В течение какого-то времени это удается. Но это никогда не продолжается долго. Что же касается распространения духовной культуры, то в этом Европа прямо-таки в высшей степени несчастлива, ибо она совершенно не понимает, как надо вникать в нечто иное.

Здесь тоже духовная наука должна привести к изменению образа мыслей. Но как это происходит в настоящее время? Видите ли, господа, именно в случае антропософии речь идет о том, что надо поступать в полном соответствии со здравым смыслом, в соответствии с практикой жизни, правильной практикой. Например, надо что-то начать где-нибудь. Что делал я сам, господа? Однажды я написал о Ницше(60) --тогда люди считали, что я якобы приверженец Ницше. Если бы я писал об этом так, как хотелось людям, придерживавшимся некоторых воззрений, то мне надо было бы написать так: Ницше был большим дураком, Ницше отстаивал ту или иную глупость, с Ницше надо бороться вплоть до поножовщины и тому подобное. Я написал бы в этом случае враждебное, направленное против Ницше сочинение; я мог бы там ругаться более изощренно и почти так же сильно, как ругался и сам Ницше, -- но пользы бы от этого не было никакой, это не имело бы никакой цены! Я вникал в учение Ницше; я отображал то, что Ницше говорил сам; я давал возможность влиться сюда тому, что являлось антропософией. Сегодня появляются люди и говорят: раньше он был приверженцем Ницше, а теперь он антропософ. Однако именно потому что я антропософ, о Ницше я написал так, как это написано! Затем точно так же я писал о Геккеле(60а). Я, конечно, мог бы написать: Геккель был вульгарным материалистом, он совершенно не понимал, что такое дух, и тому подобное. Да, господа, тем самым, опять-таки не было бы ничего сделано; нет, я принял Геккеля таким, какой он есть; так я поступал во всем, не отрицал те или иные вещи, но принимал их, как они есть. И тем самым, благодаря антропософии, был дан образец того, как надо действовать, если есть необходимость перенести культуру в Азию! Если человек едет в Индию, надо прежде всего точно знать: что утверждают старые брахманисты, а что утверждают буддисты. И тогда надо нести этим людям буддизм и брахманизм, но добавлять сюда, давать возможность влиться сюда также и тому, что вы считаете правильным. Так, например, делали и ученики самого Будды. Ученики Будды незадолго до возникновения христианства распространяли буддизм в Вавилоне на Евфрате и Тигре, но делали они это именно так, как я вам сейчас рассказал; они при этом обязательно обращались к людям с тем, что эти люди могли понять. В древности не практиковалось упрямое навязывание теории. Жители Азии совершенно не понимают европейского упрямства. Несомненно, что, например, отношения между брахманистами и буддистами не такие, как отношения между католиками и протестантами. Католики и протестанты развивают сегодня свое учение чисто теоретически; один верит в то, другой в нечто иное. Между брахманистами и буддистами едва ли есть иное различие, кроме того, что брахманисты не поклоняются Будде, а буддисты поклоняются. Они уживаются друг с другом совершенно иным образом, нежели обходятся друг с другом евангелисты и католики в Европе.

Несомненно, если хотят распространить культуру, то необходимо иметь здравый смысл, чувство действительности! Мне хотелось бы выразиться так: прошиба-ет холодный пот, если сегодня обращаешь внимание на то, как европейцы ведут хозяйственную деятельность в Азии. При этом погибает то, чем обладала Азия, но ничего взамен не получается. Это, конечно, связано с нашим собственным бедственным положением; с тем, что Европа сама в беде, и что очень трудно представить себе, как она должна выбираться из этого бедственного положения. Большая беда состоит в том, что Европа сама теперь находится в упадке. Европа не сможет выбраться из состояния тотального разрушения культуры, в которое она

попала, если люди не решатся принять истинную духовную культуру. Сегодня многие еще не понимают этого. Поэтому сегодня все люди, приезжающие в Европу из Азии, реально обнаруживают, что все эти европейцы в сущности варвары.

Вы тоже, вероятно, слышали, что самые разные представители Азии, образованные, умные представители Азии потянулись в Европу; но у всех у них одно мнение, что все европейцы варвары. Имеют же они такое мнение по той причине, что в Азии все еще сохраняется многое от древней науки о духе, от древнего познания духа, так что все знания европейцев эти люди считают детской забавой. Все, что вызывает удивление в Европе, эти люди в Азии считают детской забавой.

Видите ли, европейцы развивались таким образом, что даже их величайшие технические новшества, по существу, страшно юны, родились совсем недавно. Интересно, например, следующее: когда вы приходите в некоторые музеи, где демонстрируются древние европейские экспонаты, вы порой можете быть очень сильно удивлены. Вы могли бы, например, удивиться, находясь в этрусском музее, где находятся экспонаты, остатки этрусской культуры -- то есть культуры, которая когда-то была в Европе, -- обнаружив, как искусны были те люди, например, в стоматологии. Они исключительно искусно, ловко лечили зубы, вставляли своеобразные пломбы, причем из камня! Все это в Европе погубило; в Европе действительно наступило варварство. В период, называемый Великим переселением народов -- с III по VII век по Р. Х. -- все в Европе было, по существу, варваризировано, приведено в варварское состояние. Только после этого периода этими вещами овладевали заново. Конечно, сегодня страшно удивляются имеющимся достижениям! Однако это уже было когда-то. Откуда же оно приходило в то время? Тогда эти вещи в большей или меньшей степени переносились из Азии! Ту внешнюю технику, которой обладали жители Азии, они утеряли. Кое-что из этого еще имеют китайцы. Но в отношении духовной культуры азиаты сегодня действительно опережают европейцев. И если мы в Европе не сможем найти ничего лучшего, чем то, что в духовной культуре имеют жители Азии, то зачем вообще нужны в Азии миссионерские организации и тому подобная ерунда? В этом нет никакой необходимости!

Итак, культуртрегерство в Азии получит смысл только в том случае, если у самой Европы будет духовная наука. Если Европа сможет дать жителям Азии духовную науку, тогда этим жителям Азии будет нравиться, что европейцы доставляют им технику. Однако теперь они воспринимают это так, что европейцы кроме этой техники вообще ничего не знают. Среди азиатов дело обстоит так, что на них производит большое впечатление, если они приезжают, например, в Германию; если настоящие азиаты, образованные, обученные, приезжают в нынешнюю Германию, например, хорошо образованные китайские ученые, если они приезжают в Германию и им рассказывают о Гёте или Шиллере, они внимательно прислушиваются. Но затем ученый говорит только одно: да, хотя Гёте и Шиллер не были так умны и мудры, как отдельные индивидуальности в Древней Азии, тем не менее, и в них была кое-какая духовность. Однако в XIX столетии это быстро пошло на спад, все это быстро исчезло. И в настоящее время китайский ученый рассматривает, например, немцев как страшных варваров. Он говорит: с Гёте и Шиллером немецкая культура пришла в упадок. Ему не импонирует, что в XIX столетии открыли железнодорожное сообщение. Ему слегка импонирует еще

гётевский "Фауст", хотя он и утверждает, что отдельные индивидуальности древней Азии были гораздо мудрее. В первую очередь европейцу следовало бы осознать вот что. Ему следовало бы осознать, что азиаты вообще не делают ничего на основе таких понятий, какие свойственны европейцу; на этой основе азиат не делает ничего, нет, азиат стремится к образам, к таким образам, которые находятся в монастырях в Тибете. Азиат хочет образов. Те абстракции, те понятия, которые имеет европеец, азиат иметь не желает, они причиняют ему головную боль, они ему не нужны.

И такой знак, как, например, крюкообразный крест, так называемая свастика, этот знак был древнейшим солнечным знаком -- исключительно распространен в Азии. О нем жители Азии еще помнят. У некоторых большевистских руководителей на уровне правительства хватило ума, точно так же, как и у немецких националистов, народников, использовать этот крюкообразный, гаммированный крест в качестве своего знака. (На некоторых денежных знаках в первые годы после революции 1917 г. изображался гаммированный крест, то есть свастика (прим. перев). На азиатов это производит гораздо большее впечатление, чем марксизм. Марксизм состоит из понятий для мышления; это людям не импонирует. Но такой знак импонирует им. Если же, не поняв, что надо изучать в людях, прийти к ним с тем, что для них совершенно чуждо, ничего среди них достигнуть не удастся.

Вот еще один пример, показывающий, что Европа действительно приходит к тому, чтобы самой иметь духовное познание, духовную науку.

Вы, возможно, тоже слышали, что появилась большая двухтомная книжка известного Шпенглера(61), -- он однажды читал в Базеле лекцию; как я слышал, эта книга Освальда Шпенглера "Закат Европы" (буквально "Закат западных стран" -- прим. перев), итак, закат Европы и Америки. Автор показывает, что все существующее сейчас в так называемой европейской культуре должно погибнуть. Это обнаруживается в одном. Он рассматривает культуру как обреченного на смерть больного. Да, господа, то, что сегодня является внешней культурой, должно погибнуть. Только изнутри, только из духа может быть достигнуто что-то новое. А внешнее должно погибнуть. Вот почему речь в книге идет о закате западных стран, о том, что по необходимости следовало сказать о внешних проявлениях. Но вот Шпенглер приходит к тому, что он рассматривает как позитивное начало, в чем он обнаруживает новое. Так на что он указывает, господа? Чем это является по Освальду Шпенглеру? Это прусское начало! Все Европе следовало бы принять это прусское начало; это и должно было бы быть культурой будущего Европы, полагает Шпенглер.

Не знаю, как он говорил в Базеле, так как не могу себе представить, что на швейцарцев могло произвести большое впечатление, если бы он стал доказывать им, что из этого состояния заката нас должно вывести прусское начало! Однако вы видите, что такой значительный человек, такой разумный человек, как Шпенглер смог хорошо понять: да, все то, что есть, должно погибнуть, и будущее принадлежит грубому насилию, грубой власти. Это он говорит совершенно откровенно: в будущем смогут существовать только грубые, использующие насилие завоеватели, таково его мнение.

Если нечто подобное является в настоящее время наиболее распространенной книгой, а ведь эта книга Освальда Шпенглера самая популярная в Германии, и житель Востока, азиат сравнит то, что там написано, со своей собственной духовной культурой, он должен будет сказать себе: и это один из умнейших людей в Европе! А ведь житель Востока имеет свою возвышенную духовную науку, пусть даже сновидческую, древнюю; и вот он говорит: "Что за недотепы -- эти умнейшие люди Европы? Ничего хорошего они нам не принесут!" Именно так обстоит дело, господа. И если ставится вопрос "Что может сделать Европа, чтобы противостоять регрессивной тенденции в Азии?", надо ответить просто: "В Европе дело обстоит так, что европейцы сначала должны обрести самих себя, они сначала должны достичь той духовности, которая была утрачена ими во время Великого переселения народов (III - VII века по Р. Х.)." В первые христианские столетия истинная духовность была утрачена. Ибо то, что дошло до Европы, было в действительности не глубоким христианством, это были просто слова, правильные слова. Лучше всего это можно увидеть из того, как Лютер тогда переводил Библию. Что он сделал из Библии? Какую-то непонятную книгу! Ведь невозможно понять то, что стоит в Библии перевода Лютера, если только быть честным. Можно верить этому: но в действительности понять этого нельзя, поскольку Европа тогда уже вступила в тот период, когда о духе ничего больше не знали. В Библии ЕСТЬ Дух! И переводя Библию, ее надо было перевести именно духовным образом. Но то, что содержит, например, немецкая Библия в переводе Лютера, непонятно, недоступно для понимания, если только отнестись к этому честно. Так дело обстоит и во всех иных областях, за исключением самого внешнего естествознания, которое, однако, в этом мире не вводит в то, что действительно, не приводит к реальности. И если Европа вообще хочет что-либо сделать в Азии, то я на заданный вопрос должен ответить так: сделать что-нибудь Европа сможет только тогда, когда она сама образумится.

Теперь, господа, я должен съездить в Париж; после я скажу вам, когда мы продолжим занятия.